

Вскоре Шэнь Ду и Юнь Суи вошли в боковой придел.

Юань Мучжоу сразу поднялся навстречу и, стараясь говорить спокойно, кратко описал им состояние Шэнь Сьюаня.

Выслушав его, Шэнь Ду резко переменился в лице. Без лишних расспросов он поспешил к ложу сына, чтобы осмотреть его.

Юнь Суи взволнованно следовала за мужем.

Шэнь Сьюань, хоть и был смертельно бледен и слаб, оставался в сознании. При виде родителей его тусклые глаза слабо блеснули радостью. Попытавшись приподняться на ложе, он прохрипел:

— Отец... матушка... вы наконец-то здесь...

Стоило Юнь Суи услышать этот хрип, как её глаза заблестели от слёз. Она опустилась на край ложа и мягко удержала сына за плечи, не давая подняться:

— Ты так тяжело ранен, побереги силы, не говори ничего. Пусть отец сперва поделится духовной энергией и стабилизирует твой даньтянь.

— Матушка права, — строго, но с заботой добавил Шэнь Ду. — Лежи смирно, я облегчу твою боль.

Выслушав родителей, Шэнь Сьюань кротко кивнул и послушно закрыл глаза.

Шэнь Ду приступил к лечению. Но едва его духовные потоки скользнули в тело юноши, пытаясь залечить разбитый вдребезги даньтянь, Сьюань содрогнулся от пронзительной боли. Его лицо, и без того бескровное, побледнело ещё сильнее, но он лишь молча стиснул зубы. Вид у него в этот миг был бесконечно измученный и жалкий.

Видя его мучения, Юнь Суи не выдержала и принялась утирать слёзы шёлковым платком. Заметив это, Шэнь Сьюань через силу улыбнулся и принялся тихим, ласковым голосом успокаивать мать. В этот миг они являли собой столь трогательную картину материнской любви и сыновней почтительности, что любой случайный свидетель был бы растроган до глубины души.

Однако Юань Мучжоу, молча наблюдавший за ними со стороны, лишь едва заметно нахмурился.

Он стоял неподвижно с самого их появления, видя каждое проявление семейного тепла.

Поначалу прибытие супругов Шэнь принесло ему лишь облегчение. Но сейчас, глядя на эту трогательную идиллию, он поймал себя на странном, тревожном чувстве фальши. В его памяти — там, в прошлой жизни, — Шэнь Ду и Юнь Суи вели себя совершенно иначе.

Тогда Шэнь Ду олицетворял непреклонное величие, а Юнь Суи — благородную сдержанность. Оба вели себя как истинные старейшины великой секты, никогда не выставлявшие чувства напоказ. Даже когда с Шэнь Цзюньюем случилась беда, глава секты лишь холодно обронил: «Видно, такова его судьба. Нам, как родителям, остаётся лишь сделать всё, что в наших силах». А Юнь Суи лишь сокрушённо вздыхала: «Это дело нашей Секты Нефритовых Весов, к чему тебе, Мучжоу, так жертвовать собой? Мы лишь обременяем тебя».

Единственное различие между двумя жизнями заключалось в том, что в прошлом Мучжоу спас Шэнь Цзюньюя с помощью Контракта разделенной судьбы дао-спутников, а в этой — отказался связывать себя с Шэнь Сыюанем.

Тогда Мучжоу полагал, будто супруги Шэнь просто сгорают от стыда перед ним. Он списывал их сдержанность на суровый нрав великих мастеров, уверенный, что они любят Шэнь Цзюньюя глубоко в душе. Но неужели лишь из-за этого отношение к двум родным сыновьям могло отличаться столь разительно?

Смутная тревога вновь коснулась его разума. Юань Мучжоу невольно взглянул в искажённое болью лицо юноши на ложе, и его сердце мгновенно растаяло от жалости. Им овладело чувство вины: Шэнь Сыюань в прошлой жизни сделал для него так много! Как он может сомневаться в нём из-за подобных мелочей?

В конце концов, даже если чета Шэнь и выказывала предвзятость, это оставалось их семейным делом. К тому же мягкий нрав Шэнь Сыюаня всегда больше располагал к себе старших. Главное, что в прошлой жизни они ничем не навредили Шэнь Цзюньюю — просто не баловали его такой лаской. Ухватившись за эту мысль, Юань Мучжоу наконец успокоился.

В этот момент Юнь Суи, доселе поглощённая заботой о раненом, словно вспомнила о чём-то важном. Она обернулась к Юань Мучжоу и с упрёком спросила:

— Мучжоу, а где Цзюньюй? Мало того что он, как старший брат, пальцем не пошевелил, чтобы вовремя прийти Сыюаню на помощь, так его и сейчас нет рядом?

Напоминание о том, что Шэнь Цзюньюй бросил брата в беде, заставило взгляд Юань Мучжоу потемнеть. Смутные сомнения окончательно растаяли, уступив место прежней досаде. Тем не менее, щадя чувства родителей, он не стал раскрывать им горькую правду и после недолгого молчания ответил уклончиво:

— В тайной обители всё ещё остаются ученики наших сект. Было бы опрометчиво бросать их без присмотра, поэтому я попросил Цзюньюя остаться и проследить за порядком.

Стоило Юань Мучжоу произнести эти слова, как Шэнь Сыюань, преодолевая боль, удивлённо приоткрыл глаза и уставился на него. Почувствовав укол необъяснимой вины перед юношей, Мучжоу поспешно отвёл взгляд.

Юнь Суи поверила ему, но в её глазах промелькнула глубокая тревога:

— Твоя правда, Мучжоу, о людях заботиться нужно. Но из-за этого исцеление нашего Юань-эра затянется на неопределённый срок.

Юань Мучжоу недоуменно нахмурился:

— О чём вы, тётя Юнь?

Юнь Суи помедлила, словно борясь с нерешительностью, а затем сокрушённо вздохнула:

— Мы с твоим дядей Шэнь — родная кровь Сыюаня, но наши духовные каналы давно переросли стадию Золотого Ядра. Своей ци мы способны лишь временно облегчить его страдания. А вот Цзюньюй — его родной брат, и их ступени развития близки. Если бы он согласился использовать своё Золотое Ядро для подпитки и согревания даньтяня Сыюаня, шансы на спасение возросли бы многократно.

В полумраке придела повисла гнетущая тишина.

Внезапно раздался едва слышный сухой щелчок.

Юнь Суи недоуменно огляделась:

— Что это за звук?

Стоявший напротив Юань Мучжоу долго не поднимал глаз, отчаянно пытаясь скрыть бушевавший в душе ураган сомнений. Наконец он глухо произнёс:

— Ничего. Просто я, должно быть, слишком невежественен, раз никогда не слышал о подобном методе.

Юнь Суи слегка опешила, но тут же понимающе улыбнулась:

— В этом нет никакого секрета, любой старейшина знает об этом. Ты, Мучжоу, вероятно, все силы отдаёшь тренировкам с мечом, оттого и упустил подобные тонкости целительства.

Юань Мучжоу выдержал долгую паузу, после чего медленно кивнул. Его голос был ровным,

лишённым всяких эмоций:

— Да. Должно быть, мне действительно не хватает знаний.

И вновь в стенах придела воцарилось молчание.

Спустя какое-то время Юань Мучжоу заговорил ровным, будничным тоном:

— Дядя Шэнь, тётя Юнь, я только что вспомнил об одном неотложном деле в секте. Позвольте мне ненадолго отлучиться.

— Ступай, конечно, — поспешно отозвалась Юнь Суи. — Мы сами побудем с ним. Ты и без того сотворил чудо, сумев доставить нашего Сыюаня в целости. Больше мы не смеем тебя утруждать.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, Юань Мучжоу церемонно поклонился и поспешно вышел.

\*\*\*

\*\*\*Пик Возвышающихся Облаков\*\*\*

В уединённой беседке у пруда с лотосами Юань Мучжоу медленно опустил широкие рукава и взглянул на свою руку. На его большом пальце красовалось треснувшее от нечеловеческого сжатия белонефритовое кольцо. Он молча снял его и отбросил прочь.

Перед ним расстился бескрайний ковёр из сочных зелёных лотосов, в лицо веял тонкий аромат озёрной свежести, однако на душе по-прежнему было беспросветно темно.

Если подобный метод действительно существовал, почему в прошлой жизни Юнь Суи не обмолвилась о нём ни словом? Почему они бездействовали, пока даньтянь Шэнь Цзюньюя окончательно не иссох, лишив его малейшего шанса на спасение? Пытались ли они сберечь силы нежного Сыюаня, не желая обременять его... или за этим крылось нечто иное?

Юань Мучжоу не мог — да и попросту боялся — развивать эту мысль дальше.

И всё же он упорно заставлял себя верить, что Шэнь Сыюань ни в чём не виноват. Если даже он, молодой глава великой секты, впервые слышал о подобном, откуда о таких вещах мог знать изнеженный Сыюань?

Зачем Юнь Суи и Шэнь Ду понадобилось разыгрывать этот спектакль? Быть может, его

перерождение действительно исказило ход событий, и они изменились лишь теперь? Или они и в прошлой жизни умышленно вели эту двойную игру?

Ответов не было. Закрыв глаза, он почувствовал, как сердце медленно погружается в пучину горького недоумения.

\*\*\*

\*\*\*Тайная обитель Небесного Ветра\*\*\*

Заполучив Камень бьющего источника, Шэнь Цзюньюй всю дорогу до следующего тайника крепко сжимал его в ладони, сокрушительным потоком вбирая в себя чистейшую духовную энергию.

Но едва потоки силы наполняли его меридианы, как таинственное клеймо на груди пробуждалось и с ничуть не меньшей ненасытностью принималось выкачивать её обратно. В итоге от поглощённого ему доставалась от силы сотая часть.

Но даже эти крохи позволяли хоть немного восполнить колоссальный внутренний расход ци.

Сжав слабеющий камень, Шэнь Цзюньюй угрюмо подумал:

«Этого мало. Придётся собрать всё, что скрывает эта обитель, до последней крохи».

Он заставил свой меч лететь ещё стремительнее, превратившись в едва различимую белую вспышку среди вековых крон.

Седовласый демонический практик молча ускорился вслед за ним. На протяжении всего пути он держался строго на расстоянии трёх шагов — не отдаляясь, но и не приближаясь чрезмерно.

Одержимый желанием выжить и поддержанный грозной силой своего спутника, Шэнь Цзюньюй без труда вскрыл ещё два тайника. Их добыча оказалась поистине царской.

Полученные сокровища Шэнь Цзюньюй без тени сожаления разделил поровну. Практик принял свою долю с абсолютным спокойствием.

Однако у входа в третий тайник их ждало разочарование: сокровища были похищены.

Шэнь Цзюньюй в своих безупречно белых одеждах замер на пороге опустошённой пещеры. Его брови недовольно сошлись на переносице.

Он догадывался, что запертые в обители практики быстро сообразят кооперироваться и зачищать пещеры, но никак не думал, что весть разойдётся столь стремительно.

Накопленного им богатства с лихвой хватило бы любому золотому кудеснику, но для его собственного ненасытного клейма этого было ничтожно мало.

Он шёл ва-банк, твёрдо решив забрать из обители всё ценное, а после навсегда скрыться на бескрайних просторах Восточного моря. Но без достаточного количества ресурсов этот план превращался в самоубийство.

Заметив его замешательство, седовласый практик коснулся пальцем изящной переносицы своей серебряной маски и негромко усмехнулся:

— Если тебе действительно так нужны эти сокровища, у меня есть одна идея.

Шэнь Цзюньюй повернулся к нему:

— Какая?

Вместо ответа практик лишь едва заметно поманил его пальцем, предлагая наклониться к нему.

После нескольких совместных вылазок между ними зародилось смутное взаимное доверие. Убедившись, что в глазах незнакомца нет привычной насмешки, Шэнь Цзюньюй после секундного колебания чуть склонил голову набок. Тонкая изящная шея и бледный изгиб ушной раковины оказались прямо перед лицом собеседника.

Практик замер на мгновение, скользнув взглядом по его белой коже, а затем подался вперёд и тихо заговорил у самого его уха. Его низкий, вибрирующий голос казался непривычно мягким, а тёплое дыхание, коснувшееся ушной раковины Шэнь Цзюньюя, вызвало лёгкую щекотку.

Однако Шэнь Цзюньюй был слишком увлечён предложенным планом, чтобы обращать внимание на подобные мелочи. По мере того как практик излагал свою мысль, в его чистых, янтарных глазах загорался живой огонь.

Когда тот умолк, Шэнь Цзюньюй едва заметно улыбнулся:

— Прекрасный план. Если всё получится, я отдам тебе шесть десятых от добытого.

Отодвинувшись назад, практик на мгновение замер, и в его глазах промелькнула тень обречённого вздоха. Спустя секунду он покачал головой:

— В этом нет нужды. Давай оставим прежний уговор — поровну.

Видя такую щедрость, Шэнь Цзюньюй не стал настаивать:

— Тогда поспешим. Если они успеют покинуть обитель и поднять тревогу снаружи, наш план сорвётся.

— Идём, — тихо выдохнул практик, увлекая его за собой.

<http://bllate.org/book/19607/2002776>